

1928

В

✓
ДОКЛАДЫ АКАДЕМИИ НАУК

Союза Советских Социалистических Республик

COMPTES RENDUS

DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES

de l'Union des Républiques Soviétiques Socialistes

№ 5

356
5

ЛЕНИНГРАД — LENINGRAD

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Р

Е. Д. ПОЛИВАНОВ. Образцы не-сингармонистических (иранизованных) говоров
узбекского языка.

[E. POLIVANOV. Exemples de parlers iranisés de la langue usbek].

(Представлено академиком В. В. Бартольдом в ОГН 11 I 1928).

I. Каршинский говор (города Бегбуди).

Обследованные мною узбекские говоры изучались далеко не с одинаковой подробностью: из пятнадцати не-сингармонистических¹ говоров, наблюдавшихся в 1927 г. (из которых 8 принадлежат «ташкентско-бухарской», а 7 к «переходной ферганской» группе), только по двум — именно по ташкентскому и самаркандскому² был составлен довольно полный фонетический словарь; остальные удалось изучить гораздо менее подробно. К наиболее беглым обследованиям относится и мой материал по говору гор. Карши (ныне Бегбуди). Тем не менее я позволяю начать именно с этого говора, опубликовав таким образом тот минимальный вокабуляр, который был выбран мною в качестве стандартного минимума, т.-е. канвы для беглого обследования любого из иранизованных говоров.

Как и в прочих моих работах, транскрипция базируется на Международном Фонетическом Алфавите с дополнениями проф. Л. В. Щербы, требуя, конечно, ряда оговорок применительно к особенностям узбекских звуковых систем (в частности относительно знака *i* для фонемы *i* *mutabile*, аберрирующей в зависимости от комбинаторных условий от *ь*, *ё* до *ъ*, *ь*).³

Но большинство этих замечаний суммируется в подробной работе о звуковом составе самаркандского говора, и их нет надобности повторять в каждом очерке прочих говоров. Здесь необходимо оговорить только одно условное упрощение транскрипции: каршинское *ei* (сходное с самаркандским — в отличие от ташкентского *æ*) я ниже буду передавать простым знаком *a*.

¹ Материалы же, относящиеся к сингармонистическим (не-иранизованным) говорам, я выделяю в особую серию работ. Основы классификации узбекских говоров (на 3 группы сингармонистических и 2 группы не-сингармонистических) изложены в статье, представленной для ИАН.

² А из сингармонистических по говору города Туркестана.

³ Это относится, в частности, к ташкентскому, андижанскому, кокандскому, джизакскому и каршинскому *1*.

Говор гор. Бегбуди (прежн. Карши) относится к самаркандско-бухарской подгруппе «ташкентско-бухарской (городской)» группы иранизованных говоров узбекского языка. Более или менее полное перечисление черт, характерных для ташкентско-бухарской группы (напр. отсутствие сингармонизма, гласная система из шести фонем,¹ совпадение род. и вин. падежей и т. д.) было бы здесь излишним, и я отмечу лишь те особенности карш., которые сближают его с прочими членами самарканд-бухарской подгруппы. Тут надо отметить: 1) отсутствие местн. падежа (на ۛ): samarqan-ga turadi «он живет в Самарканде», как и samarqan-ga kelli «он пришел (приехал) в Самарканд» (очевидно под влиянием таджикского: ср. дат.-местный на -ба в самаркандском таджикском); то же употребление дательного вместо местного мы находим и в самаркандском, бухарском, катта-курганском и вообще в «самаркандско-бухарской» подгруппе; 2) отсутствие ij (характерного для ташкентского)² вместо aj в глаголах на а- и в negativ'e на -ma-j-: jašajdi (ташк. jæšijdi), bormajdi (ташк. bormijdi), ср. тоже в самаркандском и т. п.; 3) чередование -n|-d в суффиксе род.-вин. п. -ni|-di: tol-di barg-ı «лист вербы, тальника», bəzər-di kordum «я видел базар», garaw-di «пари (род.-вин.)», qoj-di «барана»; 4) вместо ташкентского æ — а (точнее *ɛ*, см. выше), 5) переход l-d → ll (как и в самаркандском): qollı قالى «остался» и т. д.; надо указать, однако, что рядом с ll встречаются весьма часто и подновленные дублиеты: qoldı, keldı и т. п. (как и в Самарканде), 6) распределение а (= *ɛ*) и ɔ на местах турецкого *а очень сходно с самаркандским — в отличие от ташкентского распределения æ и ɔ; напр. карш. и самарк. bala (bælɛ) || ташк. bələ «ребенок»,³ 7) арабск. ع совпало с h (ه), а не с x (خ), как в ташк.: карш. и самаркандск. hammət || ташк. хəmmət «бани»; 8) наконец, ряд словарных изоглосс (самаркандско-бухарских — в отличие от Ташкента).

Гласная система не обнаруживает заметных отличий от самаркандской за исключением лишь фонемы i mutabile, которая в каршинском приближается к ташкентскому «*i*_m = ё» (в самаркандском же — i, точнее i̇). Фонем, следовательно, шесть:

<i>i</i> _m	u
e	o
ɛ [a]	ɔ

¹ В отличие от говоров «переходной Ферганской» группы, в частности, напр., кокандско-андижанской подгруппы. В кокандском, напр., 8 фонем: i e æ a ɔ o ø u, в юл-гузарском 9: i e æ a ɔ o ø u y. В не-иранизованных же обычно 9 (i e æ y ø ʊ a u o), но в казак-найманском 10 (прибавляется ɔ), а в иканском 18 (i e ɛ y ø ʊ a u o плюс соответствующие долгие).

² И с другой стороны для туркестанского (kelmijdi и т. д.).

³ Ср. ура-тюб. bələ, андиг. bələ (мн. ч. bollær), туркест. bała, иканск. ba:ła ba:lla (туркменск. ba:ła).

При этом е о оказываются (как и в прочих говорах группы) чрезвычайно закрытыми. По количественным признакам гласные делимы на 3 группы: 1) е' о' э', 2) а, 3) краткие — узкие, т.-е. i_m и (способные к оглушению и редукции, напр., в $t\check{s} \leftarrow ti\check{s}$ «зуб», $t\check{s}lam\check{o}q$ «кусать» и т. д.; ср. ташк. $\check{c}\check{s}$, $\check{c}\check{s}l\check{a}m\check{o}q$).

Согласная система тоже может быть отождествлена с самаркандской за исключением лишь комбинаторной спирализации заднеязычных смычных, обусловившей, между прочим, и появление новой фонемы ς , и с другой стороны, отсутствия звуко-представления [²] (гамзы). К спирализации заднеязычных относятся следующие явления: 1) g ($\check{g}$) внутри слова факультативно (и неосознанно) чередуется со спирантным вариантом — γ . Напр., $ki\check{c}ig\check{r}\check{o}x$ и $ki\check{c}i\gamma\check{r}\check{o}x$ 2) k ($\check{k}$) [или g ($\check{g}$)] на конце слова заменилось через j , или (реже) через ς . Мы встречаем j в таких основах, для которых обычно присоединение начинающихся с гласного суффиксов: напр. $epaj$ «корова»/ $epaj-im$ «моя корова» и т. д., $ozwaj \leftarrow *\check{o}zb\check{a}ek$ и т. п. (и понятно, таких случаев будет большинство). Наоборот, в $ki\check{c}i\varsigma$ «маленький», $e\check{l}i\varsigma$ «50» имеется ς , 3) конечное q ($\check{q}$) [как и $\check{B}$ ($\check{g}$)] заменяется через $\check{Y}$ (= $\check{c}$), т.-е. увулярный спирант типа x , который я позволяю себе обозначать в настоящей работе простым (типовым) символом x .

В итоге система согласных содержит след. фонемы: $p\ b\ f\ w\ m,\ t\ d\ s\ z\ \check{s}\ \check{c}\ \check{z}\ l\ r\ n,\ \varsigma\ j,\ k\ g$ (= $g|\gamma$) $q\ x$ (= $\check{Y}$) $\check{B}\ \eta,\ h$.

Прочие особенности говора: 1) $ng \rightarrow \eta\eta$, напр., $ma\eta\eta$ «мне» (в быстрой речи дублет $ma\check{a}$, напр. $ma\check{a}-we$ «дай мне» вм. $ma\eta\eta\check{a}-be$ || самарк. $manga\ ber$). 2) В частопотребительных словах конечное g отпадает (как и в иканском, наманганском, а частично и в ташкентском; ср. падение кон. g в таранчинском и карачаевском языках), напр. $bo|\check{w}\check{o}$ вм. $bo\check{g}$ «есть» (ср. иканск. $ba:na$ из $*ba:r-na$ «есть ли?»). 3) В противоположность самаркандскому и большинству «бухарских» в каршинском встречается переход $\check{u} \rightarrow i$ в тех же случаях, что и в ташкентском: напр., $x\check{o}t\check{u}n$ «женщина» (как в Ташкенте и Джизаке; в самаркандском $x\check{o}tun$); впрочем это явление, повидимому, не общего распространения: мой объект наблюдения указывал, что некоторые каршинцы (особенно образованные) говорят $x\check{o}tun$ и т. п. 4) Как и в Ташкенте 4 лицо $praesens$ 'а оканчивается обычно на wiz (в быстром темпе $-u\check{z}$) вм. $-miz$ (как в самаркандском). 5) Суффикс $ل\check{q}/ل\check{k}$ сохранился в своей задней, а не передней (как в Ташкенте и Самарканде) форме: $\check{o}t-l\check{x}$ ئاتلق . Но в отдельных словах, очевидно под влиянием извне, встречается и $li\varsigma$: $\check{o}j\check{l}\check{i}\varsigma$ «жалованье» (синоним, как и в Самарканде — $m\check{o}h\check{o}na$). 6) Суффикс дат.-местн. $-ga$ имеет факультативный дублет $-ja$ (почти исключительно после гласных). Вероятно развитие $-ga \rightarrow -ja$ имело место после основ на i , затем же этот вид суффикса стал проникать и в формы от прочих основ (оканчивающихся на гласный).

Об остальных чертах говора дадут представление следующие извлечения из вокабуляра: $masala\ \check{z}uma\ qur\check{o}p$ — без «гамзы». $p(1)\check{s}a\check{j}$ кошка, $koj\check{l}a\check{j}$ рубашка. $\check{o}x\check{i}g$ конец (возможно $\check{o}x\check{i}da$ и $ax\check{i}da$), $ax\check{i}$ наконец (наречие), напр., $ax\check{i}$

niṁaga ṁuṁəg qillṁ? наконец, почему ты так сделал? bəʃim əBrijdi axi голова
у меня болит, наконец, kor garırma axi много не говори, в конце концов. ṁan,
saṁ, u, ula (они), ula kelli они пришли, ula uṣti они полетели. sarıx желтый,
balıx рыба [под влиянием x (как и в ət-lıx) 1 принимает задний характер, что до
известной степени сказывается и на качестве 1]. bol-ṁəx быть, делить. jəṁəx
заплата. qajṁəx кипяток. issıx горячий. jəṁəBıx ĉarəṁ заплатанный халат. əjlıç
(реже əjlıx) жалование. qalməx крючек, qolṁəx остаться. ajıx медведь. dıṁəx
нос, dıṁəBız (вм. dıṁəBıyız) ĉəB-ṁı? arıx арык (иканск. a:ruq), arıx тощий
(иканск. arıuq). barməx палец, bərməx итти. taməx горло (пища — əʃrəʃ; «арис-
тократия» говорит taQəm; Q = ɛ). tawəx блюдо (ташк. təwəq, самарк. tawəq).¹
ajəx нога. qarqəx покрышка. jəṁəṁ плохой (ташк. jəṁəṁ, самарк. jəṁəṁ).
ṁəṁəz (иканск. ṁəṁə:z, ташк. nəṁəz, самарк. ṁəṁəz). qanət крыло, qanəti-wə
uĉadı крылья у него есть — летает. qoṇBıx колокол, tujaṁ qoṇBıwı wə у
верблюда есть колокольчик. jəBəĉ, daɣəx дерево. nuxut ɣorox. qəBəz-qalam
бумага (и) перо. saməṁ солома, saməṁ jolı Млечный путь; saməṁ ət. səqqol
борода, əxsəqqol-bəwa аксакал. qazəṁ (самарк. qazəṁ, андиг. qəzəṁ) котел.
arzəṁ (самарк. arzəṁ, андиг. ɣzəṁ) дешевый. juməlx круглый. bəzəɣ базар.
bala, baĉ:a ребенок. ala-qarBa ворона. aɣawa арба. alma яблоко (ташк. əlmə).
arBamĉı, arqəṁ, ır веревка (деревенск. — у «узбеков» — ĉilwır). ıləṁ змея.
qara черный, qarəṁı темный (самарк. qarəṁı). taBma (taBma) тамга. bəlqa
молот. əj-bolta лунообразная секира дервишей, но «топор» — tawar [bolta не
употребляется]. katta, kattakəṁ большой, tiwırtkəṁ ёж. bir (bər) qadəx один фунт.
bıttəṁə ṁəṁə be (ṁəṁə-we, маа-we) дай мне одну тенгу (20 коп.). tṣə зуб,
tṣəljədi кусает. tıṣə kordum я видел сон. oṁ дом, мысль (как в Ташкенте); əjləjdi
думает. kol озеро. ot пройди мимо, минуи! alaw (w = ɥ) огонь (слова ot «огонь» —
нет). uĉ «лети!», «3». dəɣı лекарство, опиум (сам. dəɣı, ташк. dəɣı). otın дрова,
xətin женщина, taɣwız арбуз, qəwın дыня. dəɣız свинья [здесь ɣ — комбинатор-
ный вариант фонемы B (ɛ)]. jəBmır jəBadı дождь идет. dokəṁ лавка, deqəṁ кре-
стьянин. bir ozwaṁ otın olıp-kelli один крестьянин привез дрова. sijnim bə у меня
есть младшая сестра, sijnisini əlli он взял его младшую сестру. wəx время. əw
(ташк. əw) охота, əwĉı охотник, mergəṁ охотник стрелок. səj речка. dəjɣə
[— физически dəjɣə (вм. dəjɣə) ввиду соседства согласного j] река, дублет:
darjə. darjəni suṁ, dəjɣəni suṁ вода реки (suw вода). asal мед. əllıç/əlli- «50».
kijiz войлок. əṁəj корова (у окрестных «узбеков» — sijnır). dəṁullo (ташк. dəṁlə)
учитель. uṣtə мастер. pəjda выгода (формы fajdə и fəjda мой объект назвал

¹ По общей формуле гласных соответствий для слов типа *CaCaC : ташк. (и верхне-
перхон.) CəCəC || самарк.-бух. CəCəC || андиг. CəCəC или (если последний согласо-
ванный — q) CəCaq. Есть, впрочем, исключения из этого «звукового закона», находящие
особую мотивировку.

«бухарскими»). de-məx сказать (ташк. dı- самарк. de-), dedı «сказал», но -dıdı «дескать» (заключает прямую речь). dejdı — praesens. bu kış buxarğa jaşajdı, samarqanga jaşajdı. samarqanga bəruwduk (или bərgan eduk) мы ездили в Самарканд. kattarəx, kiçigrəx (усилительная степень) побольше, поменьше. ɔltı-ɔjlı «на шестом месяце (беременности)». zardəli (самарк. zardolu, ташк. orik) урюк. suwdı ɔlptı он взял воду. bəzərdı kordum я видел базар. təlli (или təldı) kordum, təlli (или təldı) bargı (см. выше); ср. olı или olup qolı умер (вм. oldı, olup qəldı). terajdı kordum я видел тополь. terajdı bargı лист тополя. Progressiv.: qılómman делаю (kelómman прихожу), 2 л. qılópsan 3 л. qılóptı, 4 л. qılómmız, 5 л. qılópsız.

matal (hıkəja).

bər-akan joB-akan bır [= b^ər] čəl-mınan kampır [= kamp²r] bər-akan. ularnı uç oBlı bər-akan. eŋkičıyı [eŋkičıgı] kal-akan. kal katta akasija xurmaja qatıx ɔlıb bərgan čəqqa jolga joBmır joqqan. xurmanı qatıBını tokup ejnıbəşını čıBərip xurmanı içja səlıp xurmanı tontarıp ustija čıBıp ottıgan. joBmır qəgandan soBra jana ejnıbəşını kijip jolga rawəna bolgan. nəxəs jolga čəpən uçragan. čəpən soragan: nıмага sanı ustıbəşın qurux hol emas? bu ajtkan-kı man ismıazamnı bılaman. şunı oqugan edım hol bomadım. čəpən — maŋŋa-jam ismıazamnı orgat-dep soradı. kal ajttıkı: nıma berasan? onta qoj — ^b/_weramán dedi. kal rəzi boldı. onta qoj ɔlıp xurmanı čəpənnı qolja-werıp ajttıkı: har wax joBmır jəxsə ejnı^b/_wəşını čıBərip şunı içja səlıp tontarıp joBmır qəgunča ustija čıBıp ottı-gın — dep qojdı hajdap ojja kettı.

Перевод. Рассказ (анекдот). Было — не было, [жил] был (один) старик со старухой. У них было три сына. Младший из них был плешивый. В то время, как плешивец нес старшему из своих братьев в подойнике кислое молоко [قاتق — qatıx], в пути [его застиг] пошел дождь. Он вылил [на землю] кислое молоко из подойника, снял с себя (верхнее) платье, положил его внутрь подойника, перевернул [подойник вверх дном] и уселся на него. Когда дождь перестал, он снова одел платье и стал продолжать путь. Вдруг встречается ему на пути пастух. Пастух спросил: «Почему у тебя (верхнее) платье сухое — не мокрое?» Тот сказал: «Я «слово» (волшебное) знаю. Я его произнес, и [потому] не вымок». Пастух спросил: «Научи и меня [этому] «слову». Плешивец спросил: «[А] что дашь? — «Десять (штук) баранов дам» (сказал тот). Плешивец согласился. Взял десять баранов, дал пастуху в руки подойник и сказал: «Всегда, когда пойдет дождь, сними одежду, положи [ее] внутрь [подойника], переверни его, и пока не перестанет дождь, сиди на нем [т.-е. на подойнике]». И погнав [с собой] баранов, пошел домой.

1928

В

ДОКЛАДЫ АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик

COMPTES RENDUS
DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES
de l'Union des Républiques Soviétiques Socialistes

№ 14

ЛЕНИНГРАД — LENINGRAD

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Е. Д. ПОЛИВАНОВ. Образцы не-сингармонистических (иранизованных) говоров
узбекского языка.

[E. POLIVANOV. Exemples de parlers iranisés de la langue uzbek.]¹

(Представлено академиком В. В. Бартольдом в ОГН 14 IX 1928.)

II. Вокализм говора гор. Самарканда.

(Глава из описания двуязычной системы.)

И таджикская, и иранизованная узбекская языковая система умещаются, в виде общего правила, в одних и тех же мышлениях — у бесспорного большинства коренного мусульманского населения Самарканда. Здесь мы имеем, следовательно, случай двуязычия социального порядка (весь данный коллектив обладает двумя языковыми системами),² к чисто-языковым признакам которого относится: наличие принципиальных сходств в фонетических системах (в данном случае можно говорить о полном почти их тождестве), наличие словарных заимствований из одного говора в другой, и наконец устойчивые ряды подогнанных друг к другу эквивалентных форм с вытекающей отсюда легкостью их перевода (для данного двуязычного мышления). Отсюда вытекают и выгоды совместного описания подобных говоров, в частности в области морфологии; добавлю, что без знания таджикско-узбекских «эквивалентных соответствий» было бы даже трудно, с исчерпывающей полнотой, разобраться в самаркандско-таджикской морфологии. Приведу несколько примеров подобных соответствий.

а) Из области склонения: 1) наличие в сам.-тадж. сложного по функциям падежа accus.-genit. на -а объясняется из аналогичного accus.-genit. в сам.-узбекском на -ni (или -di, -ti); напр. сам.-тадж. ásp-a furuxt || сам.-узб. otni (или otti) sotti 'он продал лошадь', сам.-тадж. ásp-a sár-aš || сам.-узб. ot-ni (или otti) boš-i; ср. также сам.-тадж. tørtanák-a xoneš || сам.-узб. tørtanak uja-si 'паутина — дом (гнездо) паука', 2) instrum.-sociativ. — в сам.-тадж. на

¹ См. ДАН-В, 1928, стр. 92.

² В отличие от индивидуальных случаев двуязычности, когда данный индивидуум участвует в двух коллективах (с разными языками). Заимствую это понятие двух типов двуязычия — вместе с языковыми их признаками — у проф. Л. В. Щербы.

-kati || сам.-узб. -minan (ташк. -minæm из *bir-læ-n), 3) dat.-loc.: сам.-тадж. -ba || сам.-узб. -ga/-ka, напр. samarqân-ba 'в Самарканде, в Самарканд', ođâm-ba 'человеку' — в сам.-узб. samarqan-ga, ođam-ga, 4) ablativ.: сам.-тадж. az-/a- || сам.-узб. -dan/-tan.

б) из глагольного спряжения (выбираю произвольно отдельные формы): 5) сам.-тадж. raftas || сам.-узб. bõriptu, ketiptu (perf. 3 л.), 6) сам.-тадж. raftud (←rafta bud) || сам.-узб. bõruwdi (или ketuwdi), 7) сам.-тадж. meraftam || bõrâjdim, 8) сам.-тадж. mо meraftem || сам.-узб. biz bõrâjduk, 9) сам.-тадж. raftani budam || сам.-узб. bõrmõqçi edim, 10) сам.-тадж. merafta budam || сам.-узб. bõrar edim, 11) сам.-тадж. meretõn || сам.-узб. bõrasilar (←bõr-a-siz-lar), 12) сам.-тадж. raftagi (сам.-евр. raftage) || bõrgan, 13) raftagetõn || bõrgansiz, 14) raftagem has || bõrganim bõr, 15) raftagetõn ne || bõrganiniz joq.

Таджикским и узбекским говорами диалектологическая картина Самарканда, однако, не исчерпывается: нужно иметь ввиду 1) туземно-еврейский или еврейско-таджикский говор, 2) говор так называемых *ирони* (егони) — в Богишамальском районе и кышлаке рапъоб.¹ Наконец, в особом положении стоят цыгане и самаркандские туркмены в квартале kolawõt (трехязычные: владеющие самаркандско-узбекским, самаркандско-таджикским и туркменским эрсарийским говором).² В окружающих же Самарканд узбекских кышлаках мы сразу наталкиваемся не только на представителей другой диалектической группы («собственно-узбекской» или «кып-

¹ По своему происхождению — это азербайджанский язык, подвергшийся сильнейшему влиянию узбекского (— сам.-узб.), — настолько, что его можно причислить к узбекским говорам. В говоре мужчин современного молодого поколения мы найдем: 1) копию сам.-узб. фонетической системы [если не считать некоторых деталей, а также, разумеется, словарного размещения фонем, которое часто отражает азербайджанскую подпочву говора: например, начальн. g, d || сам.-узб. k, t—gal (= gal) || сам.-узб. kel 'приди', dur || сам.-узб. tur 'стой' и т. д.]; 2) заимствование значительнейшей части сам.-узб. словаря: такие слова, как сам.-эрон. enak 'корова' (ср. карш. enaj) xanum 'жена', чуждые сам.-узб. словарю, являются, в общем, редкостью; есть, наконец, слова, объясняющиеся из контаминации азербайджанского и узбекского, — напр. ag (= elr) 'муж', at (= et) 'мясо' || сам.-узб. er, et: звук el объясняется здесь из азербайджанского e, которое было приравнено (в отличие от азербайджанского e → сам.-эрон. e) к сам.-узб. el (= a в нашем обычном обозначении); 3) наиболее заметно наследие азербайджанского языка в морфологии, где приблизительно половина форм имеет узбекское происхождение (напр., progressiv. jõzõbman, jõzõpsan, jõzõpti и т. д.), а другая половина азербайджанское (напр., praes. biliram, bilirsan, bilir и т. д.). Интересно, между прочим, параллельное самаркандско-таджикскому появление ассив.-genitivi (под влиянием сам.-узб.): сам.-узб. -ni || сам.-тадж. -a || сам.-эрон. -i (после основ на согласный) ср.: ot-i boš-i 'голова лошади', tørtanag-i uja-si (или uj-i), где падеж на -i, формально восходящий к азербайджанскому суффиксу accusativi -i, имеет значение родительного, и, с другой стороны, ot-i wurdî 'он бил лошадь' (|| сам.-узб. otni или otti urdi || сам.-тадж. âsp-a zađ).

² Так как они почти все (около 100 дворов) происходят из керкинских эрсари (æ:rθa:ri).

чакской» группы не-иранизованных говоров узбекского языка), но и другой группы турецких языков — именно «северо-западной» (по классификации А. Н. Самойловича) — так как здесь констатируются такие, напр., характерные для нее признаки: 1) тау (= taw) || сам.-узб. tɒʊ, qoʊtaʊ || сам.-узб. qoʊBʊʔɒq, 2) сэгш (в к. Казак-Найман, в отличие от sagʃ в прочих «собственно-узбекских») || сам.-узб. sariq, 3) э́рман (в к. Казак-Найман — в м. э́рман) || сам.-узб. jamɒn, ʒejdi | ʒe-mæk | сам.-узб. jejdu | je-mɒq и т. д. Тем не менее отдельные признаки влияния сам.-узб. сказываются и на этих говорах: таково, напр., проникновение фонемы э (на место *а первых слогов) в казак-найманский говор (в 8—12 км от г. Самарканда).

Вокализм.

Гласная система в самаркандском (как и во всей Ташкентско-бухарской группе) содержит 6 фонем:

	Самаркандский	Ташкентский
Узкие	і	и ɪ _m у
Полуузкие	е	о е о
Широкие	а э	æ э.

Фонема і. Разница между ташк. ɪ_m (ɪ mutabile) и соответствующей самаркандской фонемой (і) состоит, во-первых, в относительной устойчивости качества самаркандского і (в разных позициях — даже, напр., в словах bir, siz, qiz, til, qil, tiš, qizitti), тогда как ташк. ɪ_m имеет целую скалу комбинаторных вариантов. Кроме того ташкентское (как и джизакское) ɪ_m в независимой позиции — на конце слова — звучит в виде ё (т. е. *ти* по английской классификации гласных), напр. в bold_m = boldë; самаркандский же звук, в общем, несомненно принадлежит к акустическому типу і (но не е) и обладает более высоким уровнем поднятия языка. Разница же между самаркандским гласным и русским і (и) состоит, главным образом, в том, что при сам. і поднимается к нёбу более значительная часть dorsi, и следовательно к этому гласному применим, в известной степени, термин *mixed* — в том именно его понимании, которое имеет в виду не поднятие средней части, а более или менее равномерное поднятие всей плоскости dorsi. В связи с этим субъективное акустическое восприятие сам. звука оценивает его «как и, в котором слышится в то же время намек на ы».

Наконец, в характеристике самаркандского і участвует и количественный момент: і (вместе с у) принадлежит к кратким гласным [в отличие 1) от спонтанно-длинных е, о, э, 2) от среднего в количественном отношении а = а] и даже может считаться наиболее краткой, наиболее поддающейся оглушению и вообще максимально «стремящейся к нулю» фонемой самаркандского вокализма, — ибо даже другой из пары спонтанно-кратких гласных, именно у, оказывается все-таки несколько более устойчивым, чем і. Условия оглушения и редукции этих кратких

гласных, в основном, те же, что и для других говоров:¹ *i* (resp. *u*) оглушается (при обычном темпе речи) в положении между глухими согласными в неударенном слоге;² для минимализации *i* (как оглушенного — между глухими, так и неоглушенного) благоприятствующим условием является положение в первом, не-ударенном слоге — между смычным и проточным (включая *ɣ*, *l*): напр. в *p(ᶦ)šak* 'кошка' (ср. *p(u)lot-qalam* 'стальное перо', *p(u)loti* название сорта лепешек — по имени известного некогда пекаря *p(u)lot: nən-i-p(u)loti*).

Необходимо, однако, указать, что количественная характеристика самаркандских гласных не является самостоятельным моментом звуко- и слово-различения,³ как в туркменском или киргизском, а лишь вторичным (вслед за качественной характеристикой) признаком данной фонемы. При эмфазе *i* может сильно удлиняться.

Фонема *e*. Чрезвычайно узкое *e*, смешиваемое поэтому в русском восприятии с *i* (как и сам. *o* смешивается с *u*). В количественном отношении сам. *e* (как и *o*) принадлежит к спонтанеически-долгим, и никогда не подвергается (при обычных условиях фонации) оглушению и редукции (характерным для *i*, *u*).

Словарное распределение фонем *i* и *e*.

I. В виде нормы для большинства узбекских говоров, *e* (как и *o*) встречается лишь в первых слогах. Поскольку речь идет о словах турецкого происхождения, это оказывается применительным и к самаркандско-узбекскому. В таджикских же словах *e* (как и *o*) в не-первом слоге слова обычно сохраняется и в самаркандско-узбекской речи.

II. В единичных случаях сам.-узб. *e* соответствует ташкентскому *i_m* (из **e*): *behi* (= *befi*) || ташк. *bīhi* || карш. *bīji* 'айва', *ekki* || ташк. и карш. *īkki* 'два', *de-de-məq* || ташк. *dī-dī-məq* 'сказать' (ср. туркест. *demək*).

III. В громадном ряде случаев, где мы имеем ташкентское *i_m* ← *u*,⁴ сам.-узб. (как и ряд бухарских говоров) сохраняет *u*. Особого рассмотрения заслуживают следующие случаи «ташк. *i_m* || сам.-узб. *u*» в суффиксах:

¹ Хотя в ряде говоров, во главе с ташкентским, случаев редукции больше, чем в самаркандском; сюда относится, в частности, *i_m* → ⁰, ² перед *ɣ l z š* (независимо от условий, имеющих место в сам. *p(ᶦ)šak*, *p(u)loti* и т. п.). Добавлю, что полная редукция *i_m* может иметь место в ташк. и в ударенном слоге: *čš* ← **t(1)š* 'зуб'. Наконец, случаи ташк. *i_m* ← *u* опять-таки относятся, по существу дела, к «редукции кратких узких гласных».

² Например, в *ketiptu*. При депласации ударения может оглушаться и конечное *i* — напр., *kétti*.

³ Так называемые «долгие *i*, *u*» должны рассматриваться как дифтонги — сочетания *ij*, *uw* (напр., в *kij-məq*, *suw*).

⁴ Главным образом в не-первых закрытых слогах: ташк. и джиз. *xətin* (*xətn*) || сам.-узб. *xətin* 'жена', ташк. *əmbir* (*əmbər*) || сам.-узб. *ambur* 'клевещи' и т. п. Примеров так много, что можно рекомендовать простой просмотр моего «Русско-узбекского словаря» *passim*.

1) Формы 3 л. praes. на -du (keladu, dejdu, oqujdu), а также progress. (keloptu) и perf. (jotiptu) присущи сам.-узб. столь же, как и их дублеты с -di, -ti, т. е. keladi dejdi oqujdi, kelopti, jotipti (и сокращ. форма perf. kepti ← kelipti). Первые употребляются, мне кажется, преимущественно старшим поколением (большую частью неграмотным); молодые же склонны чаще говорить -di -ti.

2) Формы praeteriti также дублетны: berdu sattu и berdi satti. Но здесь разграничение по индивидуальным говорам еще заметнее, чем в 3 л. praes., и кроме того частота случаев и (вм. i) зависит еще и от последующего личного окончания; наконец, известное влияние на выбор u или i (в пределах данного индивидуального говора) может оказывать губной или не-губной характер основы глагола, в чем можно, следовательно, усматривать пережиток явлений лабиального сингармонизма. Что касается 3 л. (без личного суффикса), то здесь наличие -du | -tu или -di | -ti зависит исключительно от индивидуальных или подговорных навыков. Напр. главный объект моих наблюдений над сам.-узб. — молодой «узбеко-таджик» М. Мокимов¹ никогда не употребляет -du | -tu в 3 л. praeter.: berdi satti keldi (дублет kelli) kordi (несмотря на u в 1 и 2 л.: kordum kordur). Однако на мой вопрос, возможны ли формы berdu sattu, М. М. признал их допустимыми, хотя и редкими и его личному говору вовсе несвойственными. Они, действительно, повидимому, реже, чем дублеты с u в других суффиксах (даже в 3 л. praes.); об этом говорит и то, что другой из моих объектов — старик, владелец чайханы в Сузангаронской части, неграмотный, таджик по происхождению — регулярно (или по крайней мере в большинстве случаев) употребляет -du в 3 л. praes., но -di | -ti в 3 л. praet. Сомневаться в существовании 3 л. praet. на -du | -tu, тем не менее не приходится: для некоторых индивидуальных говоров они вполне нормальны.² Форма 1 л. (с -m после суффикса praet.) также различается по индивидуальным говорам, но уже на совершенно иных условиях и с иной степенью частоты гласного u, чем 3 л. Вышеупомянутый М. М. употребляет суффиксацию -dim | -tim после основ с гласными i e a o (qildim berdim tašladim sattim), но после слогов с o u y него допустимы и -dum | -tum и -dim | -tim, при чем нормальной является именно лабиализованная форма суффикса (kordum oldum boldum urdum). У вышеупомянутого старика-чайханщика форма на -dum | -tum является, наоборот, нормальной при всякой глагольной основе (kordum oldum oldurdum, а также berdum sattum sindirdum). В общем, говоря о самаркандско-узбекском говоре в целом, можно сказать, что -dum |

¹ Сын лавочника, грамотный, постоянный житель центральной части старого города — hawuz-i-baland.

² Приведу следующий случай: идя однажды по улицам Самарканда, я поровнялся с двумя рабочими, один из которых (лет тридцати) вел длинный рассказ с постоянным употреблением 3 л. praet.; во всех случаях у него было именно -du | -tu: berdu, sattu и т. д. (в то же время по остальным особенностям речи мне было ясно, что рассказчик — никто иной, как самаркандец).

-tum, без всякого сомнения, превалирует над -dim|-tim при «лабиальной»¹ основе (е гласными о и). Форма 2 л. (на -du-η|-tu-η resp. -di-η|-ti-η) тесно примыкает в конъюгационном мышлении к форме 1 л. и может обнаруживать тот же выбор гласного (и или i), какой присущ 1 л. (у данного объекта и после данной основы). Но всё же число шансов услышать i (а не и) во 2 л. значительно больше, чем в 1 л.: возможно, следовательно, kordiη при kordum (у одного и того же объекта) и berdiη при berdum. Еще бóльшую склонность к i, при факультативном параллелизме, однако, с вокализмом 1 л., мы найдем в 5 л. — на -diη^giz|-tiη^giz resp. -duη^giz|-tuη^giz. В 4 л., наоборот, мы видим регулярную форму -duk|-tuk; произношение же с i (-dik|-tik), если и возможно, то чувствуется как «не-самаркандское» (ташкентская же форма на -dimiz|-timiz вовсе отсутствуют).

3) Заложный суффикс causativi у вышеупомянутого старика-чайханщика имеет двоякий вокализм — -dur|-tur и -dir|-tir — в зависимости от «лабиальной» или «не-лабиальной» основы: mindirdum sindirdum, но oldurdum urdurdum.² У других лиц -dur|-tur возможно и после «не-лабиальных» основ. Тут опять-таки резкое отличие от ташкентского, где обобщена не-лабиальная форма суффикса: -dir|-tir.

4) В притяж. суффиксе 1 л. (после основ на согласный) -im|-um дублет -um вполне нормален после основ с о и, напр. mani kozum 'мои глаза'. В 4 л., однако, вполне возможно встретить (после основ с о и) и и i: bizdi kozumiz и kozimiz. Еще больше шансов встретить i (вм. и) во 2 и 4 л.: sani kozιη (дубл. kozuη), sizdi kozιηiz (дубл. kozuηiz). Аналогичное чередование i|и мы встретим и в некоторых других суффиксах (-ip|-ur в деепричастиях, -kiz|-kuz и т. д. в causativ. напр. ot-kuz-il-gan) — где, по крайней мере в основной форме (ot-kuz) i|и принадлежит закрытому слогу.

Фонема а (=а в нашем условном обозначении). Если соответствующая ташк. фонема æ определима как гласный типа англ. æ (а в англ. *man*) или эстонск. ä (в *käsi*), то самаркандск. звук относится уже к типу «переднего а» [а], куда входят: эст. а (в *ragan*), франц. а в *patte*, а пожалуй (с известными оговорками) и русское а (в *стан*). При этом некоторые случаи осуществления самаркандской

¹ С точки зрения старого, до-иранизационного состояния, ибо с точки зрения современного сам.-узб. вокализма «лабиальной основой» могла бы быть названа и основа с гласным о, напр., ol, ol̄ (которым в до-иранизационную эпоху соответствовали al, al̄).

² Ср. туркестан. mindirdim sındirdim oltyrdym urdurdum. Таким образом, несмотря на то, что рамки лабиально-сингармонистических явлений в туркестанском уже сужены — по сравнению с кыркским (— говор «собственно-узбекской» группы, около ст. Ростовцево) и даже иканским, — в данных туркестанских формах (1 л. praet. causativi) лабиально-сингармонистические чередования сохранились в полной мере; сам.-узб. уже утратил часть из них и -dur|-dir в суффиксе caus. является (в сам.-узб.) одним из немногих пережитков сингармонистических чередований вообще (лингвально-сингармонистические чередования исчезли полностью). И наконец, ташкентский (с его единым -dir вм. -dur|-dir) обнаруживает ликвидацию и этого пережитка сингармонистической системы.

фонемы эстонским восприятием вполне отождествляются с эстонск. *a*, а некоторые оцениваются как *a* с небольшим уклоном в сторону эстонск. *ä* (æ). Без сомнения существуют индивидуальные вариации, а вероятно и факультативная абберация у одного и того же объекта. Кроме того — комбинаторные варианты, из которых укажу два: 1) перед *j* (а может быть и после *j*) самаркандское *ä* приближается к æ, 2) перед *q*, *x*, *B* приобретает, наоборот, небольшой уклон в сторону «заднего *a*».

Количественная характеристика самаркандского *a* (как звука «среднего» количества)¹ имеет большое значение для исторического объяснения словарного распределения самаркандско-узбекского *a* (ä) и *o* (resp. ташк. æ и *o*) на месте до-иранизационного **a*.² Об этой дивергенции (**a* → ä, *o* или æ, *o*), составляющей труднейший вопрос узбекской исторической фонетики, мне придется говорить, однако, в другой работе.

Фонема *o* (= *o*) — *lbr*. В отличие от ташкентского *o* самаркандский звук является вполне типичным представителем типа «открытого *o*» (т. е. *o*), в то время как ташкентский звук допустимо, до известной степени, рассматривать, как гласный промежуточный между *a* и *o*.

Фонема *o* (= *o*) — *mbr*. Весьма закрытое *o* (почему русским слухом оно воспринимается весьма часто как русское *y*).

Фонема *u* — *hbr*.

Как относительно самаркандского *o*, так и относительно самаркандского *u* следует заметить, что они более устойчивы в качественном отношении, чем ташкентские *o* и *u*, т. е. менее уклоняются по направлению к *mixed* (и *front*) в комбинаторных условиях: например слова *kol* 'озеро', *kyl* 'смеялся' звучат в Ташкенте как *köl kül* (почти *køl kyl!*), при чем даже качество следующего *l* оказывается благодаря этому отличным от *l* в *qol* 'рука', *qul* 'раб'; в самаркандском же эта абберация *o* и *u* (по направлению к *ö ü*) имеет значительно более узкие границы (и не отражается на качестве следующего согласного).

В заключение присоединю перечень согласных: *p b f w m; t d s z š ž* (весьма редкое) *č ž n l r; j; k g x* (= Ч) *B ɣ* (*y* большинства = *ɣ^g* - | *ɣ^{gk}*); ? *h*.

¹ Что легко объясняется историко-фонетически: сам.-тадж. *a* (o) служит рефлексом древне-перидского *a*, тогда как *o* (l) — рефлексом древне-персидского *ā*.

² Относительной краткостью самаркандского *ä* (и ташк. æ) объясняется, напр., то, что конечное **a* дало сам.-узб. *ä*, ташк. æ: **ata* → *ota*, *otæ*. В основном законы дивергенции совпадают для сам.-узб. и ташк. (в отличие от ура-тюб.), но всё же в сам.-узб. меньше случаев *o* ← **a*, чем в ташк.: ср. 1) слова типа **CaCa* и **CaCCa*: ташк. *bälæ*, *bäšqæ* || сам. *bala*, *bašqa*, 2) формулу для слов типа *(C)*aCaC*: ташк. (C)*oCöC* || сам. (C)*äCöC* || андж. (C)*oCæC* или (C)*oCæq*.

1928

В

2-4 экз.

ДОКЛАДЫ АКАДЕМИИ НАУК

Союза Советских Социалистических Республик

COMPTES RENDUS

DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES

de l'Union des Républiques Soviétiques Socialistes

№ 15

и последний

384
15

ЛЕНИНГРАД — LENINGRAD

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Е. Д. ПОЛИВАНОВ. Образцы не-сингармонистических (иранизованных) говоров
узбекского языка.

[E. POLIVANOV. Exemples de parlers iranisés de la langue uzbek.]

(Представлено академиком В. В. Бартольд в ОГН 14 IX 1928.)

III. Самаркандский говор (продолжение).¹

В качестве кратчайшей характеристики самаркандского узбекского говора я счел за лучшее — вслед за «Вокализмом самаркандского говора» (ДАН-В, 1928 стр. 307) — опубликовать транскрипцию текста, в котором нашли бы место главнейшие морфологические особенности говора. В таких условиях весьма много значит, разумеется, выбор текста, способного служить подлинным образцом живой речи и свободного от книжных влияний. Вот почему из записанных мною самаркандских текстов я остановился именно на нижеприводимом рассказе моего объекта М. М. под заголовком *paşawanlar*, несмотря на отсутствие в нем каких-либо литературных достоинств и незатейливость содержания (злключения подвергшихся аресту и заключению в исправдоме опиокурльщиков, способные представить разве лишь бытовой интерес).² Текст дает, действительно, реальную картину живого «уличного» говора — вплоть до нередких случаев перестановки членов предложения, недопустимых в литературной речи и столь естественных (хотя и ощутимых в качестве дефективного явления) в обычном диалоге или рассказе. Правда, в рассказе М. М. отсутствуют (кроме *soʻbbolli*) такие специфические для самаркандского (или самаркандско-бухарской

¹ См. ДАН-В, 1928, стр. 306.

² Полную противоположность этому рассказу М. М. представляют собою записанные мною отрывки из устного исторического романа (или цикла новелл) об Улуг-беке, рассказчик которых (Абдулла Гиясов) допускал ряд уклонений в сторону книжного языка (напр. различение *genitivus'a* на *-ni*² от *accusativus'a* на *-ni* и *locativus'a* на *-da* от *dativus'a* на *-ga*, хотя формы *locativus'a* употреблялись порой и неправильно — там, где даже в литературном языке была бы форма на *-ga*, и т. п. и т. п.). Разница в языке обоих текстов объясняется, во-первых, личными качествами рассказчиков (А. Г. хорошо грамотен и много читает; М. М. хотя и грамотен, но никогда ничего не читает), а также и известной традиционностью языка рассказчиков исторических новелл. Интересно отметить также соотношение в числе русских заимствований; в первой новелле про Улуг-бека (о мнимом покушении Улуг-бека на жизнь его отца (*sic!*) Темура, имевшем целью, наоборот, спасти Темура от предопределенной ему кончины) встретилось только одно русское слово (*iskaminka* ← 'скамейка'), тогда как в нижеприводимом тексте их довольно значительное количество.

подгруппы) дублиеты как *olli kelli* (вместо *oldi keldi*), но это опять-таки не противоречит реальной картине самаркандской речи, где указанные дублиеты на самом деле встречаются гораздо реже, чем корректные (подновленные) формы с *l-d*.

Текст настолько легок, что я не считаю нужным приводить его русский перевод. Относительно транскрипции надо заметить, что — как и в двух предыдущих выпусках — вместо *ä* условно употребляется *a*. Знак ударения я употребляю в тех лишь случаях, когда ударение приходится не на последний слог, в том числе и в случаях депласации ударения под влиянием синтаксических и эмфатических условий. Весьма вероятно, однако, что не все случаи депласации, имевшие место в фактическом произношении М. М., были мною отмечены: в ряде случаев и первый и последний слоги казались *равно* ударенными, и в таких случаях я не ставил знака ударения (на первом слоге).

našawanlar.

bir kun biz kelduk hasan šojiga. soBra man oturdum čoj içip. bir turačta degan čokip jətuwdi. soBra očirat¹ maniki-edi. mani «turiŋ² nauwat sizdiki» dedi. man bir piola čojdi oldim. oluwdimki birdan beš kiši uč ešigdan keldi. «toxta otur šojinga» dedi. soBra kejin bizlar hammamiz oturduk. soBra šunnəx keldi. ajttiki «bu nima?» dedi. soBra bəwə ajttiki «bu čirəB.» «nima qilasan buni?» bəwə ajttiki «har kimni ajoBi ərigan bolsa bu dawə» dedi. «turgin šojindan» dedi. bəwə šojidan turdi. soBra bəwəni ɔxtardi. bir quttiga sakkiz wazm³ šera⁴ təpti. «bu nima?» dedi. bəwə ajttiki «bu šerani» dedi «čəkāmiz ajoB əBrixka». soBra ɔdamlarga ajttiki «šojinizdan turiŋ⁵lar» dedi. hamma ɔdam šojidan turdi. tor kiši⁴ jəniga tappənčasi bər. ɔdamlardi ɔxtardi.⁵ bittasini k¹ssasidan bir wazm təpti. bə bittasini uč wazm təpti. bə bittasini ɔxtardi heštima tommadi.⁶ aŋq¹ssa beš — on kišini ɔxtarip | bir sakkiz wazm dərū təpti. soBra bəwəni lampasi bir qutti dərūsi bir quttiča soxta⁷ ekita dūda⁸ bitta lomolga⁹ buni hammasini bəjladi.¹⁰ bəwəga ajttiki «sani ɔtiŋ nima?» bəwə ajttiki «mani

¹ Русск. 'очередь', экв. nauwat نەۋەت.

² 'Золотник'.

³ šera ('шира, ширя') — вареный опиум, употребляемый для курения.

⁴ Вместо tort kiši '4 человека' (в каршинском '4' — tot).

⁵ 'Людей обыскали': ɔdamlardi вместо ɔdam-lar-ni.

⁶ Из heč nima tər-ma-di 'ничего не нашли'.

⁷ soxta («сухтá») — зола опия, осаживающаяся в трубке. Как и прочие термины опиокурения в узбекском — персидского происхождения.

⁸ dūda ('дуда') — трубка для опиокурения (в отличие от простой трубки — naj).

⁹ Из ro-mol (перс.) 'полотенце, платок'.

¹⁰ Вместо *baB-la-duš 'завязали'.

otim hasan Bulom alijuf» dedi. soBra ajttiki «čojxonani egasi¹ kim?» hasan ajttiki «mana šu odam» dedi. soBra sorajtukon² odam ajttiki «berga³ kel». soBra bu čojxonani egasi keldi. «labbay taxsir»⁴ dedi. «otiη⁵ nima?» dedi. soBra bu čojxonani egasi «e balon⁶izdi olaj. man bir kambaBal odamman»⁵ dedi. man tauba qildim qilmajman⁶ mundan bujax» dedi. «agar mundan bujax qilsam mani otiη⁵».⁷ soBra bu jozotkan kⁱši ajttiki «jox sani olip boramiz. gapurma»⁸ dedi. soBra kejin šu beš⁹-on kišini ajttiki «turiqlar šojlariηdan». šojlaridan turdilar. bu odamlarni bitta bitta kočaga čiBordi. hammasini tišqariga⁹ čiBordi. ušta¹⁰ uštadan qato::r¹¹ qojdi. ekkitasi illajga bittasi ortaga turdi. bir uštasi arqaga turdi. bittasi kelip ajttiki «bulardi terétij¹² rajhonga¹³ olip borasan» dedi. «tappončalariη⁶izdi Bilofstan čiBoriη⁵lar»¹⁴ dedi. bular tappončasini Bilofidan čiBordi. soBra bir qoB⁶ozdi jozip ištarcisini¹⁵ qoliga berdi. bulardi toBri rajhonga olip keldi. kamisar soradiki «bular kim?» «bular koknori našawanlar»¹⁶ dedi. kamisar bir

¹ 'Хозяин чайной (чайханы)'; весьма часто курильня (šeraxona) помещается в чайной, хозяином которой является не сам торговец опиумом, а другое лицо.

² Специфическая для сам. говора форма причастия наст.: 'спрашивающий' (ташк. soræjdigæn).

³ Стижение из bu jer-ga 'сюда'.

⁴ taxsir употребляется в узбекском в значении 'сударь' (почтительное обращение). утратив, следовательно, основное (арабское) глагольное значение.

⁵ 1 лицо спряжения имени ('я бедный человек').

⁶ Отличием от ташкентского является отсутствие -mij- в праes. negat. вместо -ma-j; здесь, как и обычно, праes. (negat.) относится к фактическому будущему: 'не буду делать больше'.

⁷ 'Расстреляйте (ot-in) меня (mani)'. Относительно значков, характеризующих специфический характер данного звука и не относящихся к по-фонемной транскрипции, каковы ⁵ после η (в otiη⁵), значок глухости гласного ◌ (напр. kⁱši), ◌ в. i (в alqⁱssa) и т. д., надо заметить, что я проставляю их отнюдь не повсюду, где данная черта фактически имела место в произношении, а только там, где я успевал фиксировать ее в момент записи текста.

⁸ 'Не болтай!' (ташк. gæpır-mæ).

⁹ 'Наружу' (ср. осм. dušarın — из древнего направительного падежа на *Baru | -gery от основы tuš- | taš, откуда сев.-узб. taš 'вне', туркм. daš 'далекий'). Наличие дублетного произношения tešqari стоит для меня под сомнением.

¹⁰ 'Трое' (вм. uč-ta).

¹¹ С эмфатическим удлинением ударенного гласного.

¹² Русск. 'третий' (возможно и trétij); оба t, конечно, без палатализации.

¹³ rajhon (= ræjhon) — русск. 'район'.

¹⁴ 'Выньте ваши револьверы из кобур'.

¹⁵ ištarcī — русск. 'старший'.

¹⁶ koknori (от ko(k)nor 'мак, маковый отвар') — 'опиумист'; следовательно, koknori našawanlar значит 'наркоманы-опиумисты', ибо našawan(d) — именно 'наркоман', от naša 'наркоз' (отдельно стоит второе значение naša 'гашиш').

militsasini¹ čaqirdi ajttiki «karsini očkini»² dedi. militsa kalitni olib — bərip karsini ošti. militsaner kelip kamisarga ajttiki «man karsini oštım» dedi. bu koknəri-naşawanlardi olib kelgan kişiga kamisar ajttiki «bularni karsiga olib jürir»³. soBra bulardi bitta-bitta qator qildi.³ «jürir» dedi. bu našawandlar bitta-bitta karsini oBziga bərdilar. bittasini ozini urdi boşiga jeğlab ajttiki kamisarga «bizlar nıma gunoh qilduk?»⁴ kamisar ajttiki «silardi⁵ gunohiriz kop qattiq. soBra bilasilar»⁶ dedi. bu našawanlar hammasi jeğlab ajttiki «endi olamiz xoməlligdan»⁷ dep hammasi işkariga⁸ kirdi. soBra militsa ajttiki «bo bórmi jo jóbmi» dedi. jaŋgidaki keturgan odamlar dediki «jox soBbolli»⁹ dedi. soBra mili(t)sa karsini eşikini qufladi.¹⁰ soBra ertasi kunduz boldi. bulardi hammasini olib ketti galawni rozaga.¹¹ uč kun qamaq qojdi bandilarni (исправлено: šu našawanlarni uč kun qamaq qojdi). učkundan kejin ulardi turmaga¹² juwərdi. bular turmaga bir uč oğ jətti. soBra bulardi sotka¹³ olib keldi. sot bulardan soradiki «nimaga naša koknər ičasilar»¹⁴ dedi. bu našawanlar ajttiki «bu koknərdi bittamiz jigirma jildan ičamiz» dedi. bittasi dedi «man on jildan beri ičaman». bo bittasi-jām ajttiki «man ellik jildan beri jejman». šu bir bəwəni ozi qoldi soramagan.¹⁵ soBra bəwəni čaqirdi sot. bəwəni ekita časawoj olib kirdi sotti oldiga. sot bəwə hasanga ajttiki «nimaga sotasani?»¹⁶ bəwə ajttiki «man sotmajman. ozum čokaman» dedi. soBra sot ajttiki «sotmasan»¹⁷ bu odamlar sani oldirga nıma qiladi?» dedi. soBra bəwə ajttiki «mana šu odamlardan soran»¹⁸ dedi «man sotmajman». sot ajttiki «man ozum jaxši bilaman» dedi. soBra sot hammasi işkariga kirip ketti. soBra bir soattan kejin hammasi čiBdi.¹⁷ čixkandan¹⁸ kejin hamma šojdan turdi. soBra bəz odamlar šojlariga oturdi. sot qoBəzdi¹⁹ oqudi. bəwə hasanga uč jil iş berdi — sotka učun.²⁰ bittasiga

¹ В данном случае сохранены оба элемента русского и (в militsa ← милиция), но обычно и заменяется узбеками через S (в ташкенском milisə и т. п.), а в позиции после S через t ('два места' вм. 'два мес(я)ца').

² 'Открой (očkini) карцер (→ karsi)'. ³ 'Выстроили в ряд'. ⁴ Ташк. qildimiz.

⁵ 'Ваш, вас' (из siz-lar-ni). ⁶ Из bilar-siz-lar 'узнаете'.

⁷ 'Теперь мы умрем от хумара' (т. е. от реакции в виду лишения наркотика); xoməllig ← xomər-lik.

⁸ Место ičkari-. ⁹ Из sof bol-di. ¹⁰ Вм. qulf-la-di 'запер на замок'.

¹¹ Правильно: galawni rozə-ga olib ketti 'увели в (у)головный розы(ск)'.
¹² turma — русск. 'тюрьма'. ¹³ sot — русск. 'суд'.

¹⁴ Из ič-a-siz-lar 'вы пьете'.

¹⁵ 'Один только сам bəwə остался недопрошенным'; термином bəwə ('дед') именуют хозяина опиокурильни.

¹⁶ 'Зачем продаешь?' ¹⁷ Ташк. čiqtı.

¹⁸ Ташк. čiqqəndəen.

¹⁹ Есть дублет kəBəz; ташк. kəBəz.

²⁰ '... дали три года (принудительных) работ — за то, что он продавал'.

ekki jil iš berdi. bittasiga-jám¹ ekki jil iš berdi. bə bittasigajam bir jil iš berdi. soʻbra sot tamom boldi. hamma odamlar čiʻip kétti. soʻbra bu našawanlarni časawojlar ortaga solip turmaga olib bordi.² bular turmaga neča-kun jotti. neča-kundan kejin bulardi turmani načajligi oz kansaroliga čaqirib oldi. šu bəwə hasan-bilan³ bəwə isrofil degan kišini čaqirip kansarolga čaqirib oldi. bəwə hasan-bilan bəwə isrofilga turmani načajligi ajttiki «sizlar nima iš qilasilar?»⁴ dedi. bəwə-hasən ajttiki «man bilitčiman»⁵ dedi. bəwə-isrofil dan soradiki «siz nima iš qilasiz?»⁴ bəwə-isrofil ajttiki «man andəwačiman»⁵ dedi. turmani načajligi ajttiki «bomasa⁶ eski šaharga detski⁷ čorbəʻ bər. šunga išlajsilar-mi?»⁸ dedi. bəwə-hasən-bilan bəwə-isrofil ajttiki «xaj išlajmiz» dedi. turmani načajligi bularga qəʻəz berdiki «ertadan har kun soʻatisakizdan iška bərasilar» dedi. bular «xop taxsir» dedi. bularga ajttiki «bəriqlar korpuslariŋga»⁹ dedi. bu keča jottilar šojlariga.¹⁰ erta-minan soʻatisakkizgá¹¹ bəwə-hasən šojidan turdi. bəwə-isrofil-ám¹² šojidan turup bəwə-hasanga ajttiki «našani šerga qilamizmi»¹³ jo bərip išlajtukən šojimizga qilamizmi?»¹³ dedi. bəwə-hasən ajttiki «joʻʻ šerga¹⁴ qilamiz» dedi. bəwə-isrofil čəj damlap¹⁵ keldi. ajttiki «mana man čəj olib keldim». bəwə k¹ssasini¹⁶ kawlap kordiki našasi joʻʻ. soʻbra isrofilga ajttiki «šora našamni juqottim mán ku»¹⁷ dedi. soʻbra kejin bəwə-hasən ajttiki «bomasa man načajligdi oldiga bəraj. man ajtamanki bizdi bir hamraʻjimiz našasini juqotti» dejman. kani načajlig nima dejdu?» bəwə-hasən kelib načajligdan soraganda načajlig ajtkanki «buni kasalxonaga juwəramiz». soʻbra kelip isrofilga ajtkan hasan¹⁸ «načajlig ajttiki sani kasalxonaga

¹ 'И еще одному из них'; -jam ← ۱ام (перс.).

² Произнесено: olib:ordi.

³ Чисто разговорный дублет (вм. -bilan) — -minan (ташк. -minəm).

⁴ qilasilar (из qilasiz-lar) произнесено с хорошо выраженной вопросительной мелодией. qilasiz — то же.

⁵ 'Я белильщик (штукатур)'. bilitči — из русского 'белить' и суффикса -či. andəwa-či кровельщи к' (от названия инструмента — andəwa).

⁶ Из bol-ma-sa.

⁷ Русск. 'детский сад' (— čorbəʻ). d, разумеется, твердое.

⁸ Из iš-la-j-siz-lar-mi. Ударения слышны на laj и lar, последнее уступало по силе первому.

⁹ 'В ваши корпуса'.

¹⁰ Опять, как и много раз выше, ненормальное словорасположение (надо: šojlariga jottilar).

¹¹ Слышны два ударения: на слогах a и ga.

¹² -am ← ۱ام 'и, тоже'.

¹³ Два ударения: на la и вопросительном -mi.

¹⁴ šerga ← šu-jeŋ-ga 'и здесь' (или 'сюда'); ср. выше berga.

¹⁵ 'Заварив чай'.

¹⁶ i (оглушенное) редуцируется здесь до минимума.

¹⁷ Дефляция ударения в juqottim стоит в связи с чередованием сильно и слабо ударенных слогов: qottim mánkū (tim и ku ощущаются тоже как ударенные, но слабее чем предшествующие им).

¹⁸ 'Исрофилу сказал Гасан' — опять недопустимая с точки зрения литературной нормы перестановка слов.

juwəramiz dedi». bəwə-isrəfildi kasalxənaga juwərdi. doxtur kordi «sani qəninga¹ bir dard bər» dedi. isrəfil doxturga ajttiki «mani dardim joB qəninga. mani dardim başqa». doxtur ajttiki «dardıñ nima::?² ajtkin». bəwə-isrəfil ajttiki «man bir qarədrü³ bər — şundan jejman» dedi «mani načajlig detski bəqqa juwərməxçi-edi. man bərətuwdum⁴ narsaparsalarimni jeBip kordumki şu qara dərüm joB. mani hamrəjim kelip tawəriş načajlikka kelip ajtkanki mani hamrəjim dərüsini juqətiptu.⁵ soBra načajlig ajttiki buni kasalxənaga juwəramiz dedi bomasa oladu. soBra mani kasalxənaga olipkəldilər.⁶ siz doxtur mani ajttiŋ⁷izki sani qəninga dardıñ bər. joB mani dardim qara dərü. şu qaradərüni təpip⁷ bersaŋ⁷iz man bequwat bolub asli qadimdakidak bolup joraman». soBra doxtur bir suwdak narsani keturup bir istakənga⁸ bir netča čak təmuzdi. manga⁹ berdiki «buni ičkin». man birdan iştım asli qadimdakidak jaxşı boldum. soBra manga doxtur bir š(i)šačaga¹⁰ berdi — ki «bundan har jejtukən waxtinga şundan tor(t) čakra təmuzub ičkin». man buni keturdum turmaga. načajlikka ajttimki «man jaxşı boldum. endi mani iška juwəriŋ⁶. man işlajman» dedim. načajlig ajttiki «xaj. bugun keč boldi. ertadan bərasan iška» dedi. man keldim. kamarga¹¹ bitta čoj damlab iştım. şu doxtur bergan dərüsini tor(t) čakrasini piolaga təmuzdum. soBra ertaminan šojimdan turub bəwə-hasanni turBəzdim «tur iška. keč boldi» dedim. hasan ajttiki «iška bəramiz-mí?» man ajttimki «bərami::z». ¹² u ajttiki «bomasa narsalarıŋni jeBgin. ketámiz» dedi. isrəfil ¹³ narsalarini jeBib bitta čojnagbilan bitta piolani olip jolga šonadi. soBra načajligdi əldiga kelib ajttiki «biz iška bəramiz bizga qəBəz berıñ» dedi. [Конец первого эпизода].

¹ qən-im-ga 'в моем животе' — из *qarn-um-Ba.

² Ударение (как и свойственно этому слову в большинстве случаев) на ni, но второй слог с эмфатическим затягиванием гласного.

³ Ə вместо ожидаемого a (из о. т. *a на конце основы) в qarə- объясняется тем, что комплекс *qarada:ru эволюционировал уже как целое слово. Рядом, однако, существует дублет qara-dəru (где qara звучит как и в изоляции).

⁴ 1 л. plusquamperfecti (—суфф. -uwd-) progressivi (—суфф. -ət-).

⁵ 3 л. perf.

⁶ Два ударения.

⁷ Рассказчик назвал и дублет təwup.

⁸ 'В стакан'.

⁹ Здесь рассказчик (вполне неоправданно) начинает говорить про Исрофила в первом лице ('мне дал... я выпил...' и т. д.).

¹⁰ Благодаря выпадению i может произноситься š:ača-.

¹¹ 'В камере'.

¹² Ударенный гласный эмфатически протягивается.

¹³ Здесь об Исрофиле речь идет 'снова в третьем лице. ('Иср. собрал свои вещи, взял чайник и пиалу и отправился в путь. Придя к начальнику, он сказал: мы идем на работу, дайте нам бумаги').